

УДК 904:72

С.С. Тихонов

КАРТЫ С.У. РЕМЕЗОВА В АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

В рамках этноархеологических исследований в настоящее время изучены этнографо-археологические комплексы (ЭАК) сибирских татар (преимущественно тарских) и русских сибиряков Среднего Прииртышья. Дальнейшее развитие подобных работ связано с расширением исследований и изучением ЭАК других народов. Предполагается, что перспективными для исследований будут работы по изучению хантов (среднее и верхнее течение р. Демьянки, русских и хантов в нижнем течении Оби (пос. Чемаши). После изучения карт С.У. Ремезова, литературы и предварительного обследования территории еще одним местом проведения работ по изучению ЭАК русских может стать район среднего течения Томи ниже устья Мунгата, где в начале XVIII в. появились русские деревни. Часть из них доступна для полевых археологических, этнографических и археолого-этнографических работ.

Ключевые слова: этнографо-археологические исследования, система расселения, карты С.У. Ремезова.

Спектр этноархеологических исследований необычайно широк и включает в себя работы методологического и теоретического характера, исследования в области методики, изучение конкретных феноменов материальной и духовной культуры, анализ новых источников и т.д. Анализ этнографо-археологических комплексов (ЭАК) – лишь одно из направлений в этих исследованиях. Сами же ЭАК народов Сибири весьма сложны. Для их понимания необходимо изучить природно-географическую среду обитания, объекты хозяйственного, религиозного или иного назначения, сеть путей сообщения и прочие компоненты. В данной работе рассмотрим сюжет, относящийся как к методике исследования, так и к системе расселения народов Сибири. Это использование карт конца XVII – начала XVIII в., составленных С.У. Ремезовым.

Карты С.У. Ремезова [1, 2, 3] – первого сибирского картографа – изучали коллеги из Тобольска [4. С. 90–101; 5. С. 141–155], Новосибирска [6. С. 82–85], Тюмени [7. С. 275–281], Омска [8. С. 147–162; 9. С. 139–143]. Имею небольшой опыт работ с этим источником и я [10. С. 87–91; 11. С. 638–642]. Конечно, эти карты имеют некоторые недостатки: на них отсутствует градусная сетка, нет масштаба, протяженность географических объектов в центре и по краям листов может быть разной при их одинаковых физических размерах, листы карт не ориентированы по сторонам света, несколько искажены пропорции и соотношение рек и их притоков. Но не это в картах главное, и не мешает их использовать. Карты С.У. Ремезова – великолепный источник по многим аспектам истории Сибири, в том числе и по системе расселения ее жителей. В совокупности путевые

записки Н. Спафария 1675 г. [12], карты С.У. Ремезова конца XVII – начала XVIII в. [1, 2; 3], записки Г.-Ф. Миллера 1734–1741 гг. [13] являются отличным комплексом, позволяющим изучить систему расселения русских, татар, хантов, манси, селькупов, шорцев и других народов Сибири, живших по Иртышу, Оби, Томи и их притокам, а также выявить изменения в этой системе на протяжении почти полувека. Эти материалы хорошо сочетаются с данными археологии, материалами ревизий, списками населенных мест и другими источниками

Основные закономерности рассматриваемой системы расселения следующие: освоение, прежде всего, пойм больших рек и прилегающих к ним участков коренных террас, а также нижнего течения крупных притоков больших рек, при этом глубинные таежные районы были менее заселенными; компактное проживание русских на свободных территориях на начальных этапах освоения Сибири и последующее постепенное вытеснение ими аборигенов с лучших участков (интенсивно эти процессы пошли в XIX в.); продвижение татар на север вниз по течению Иртыша и Оби, вытеснение ими к северу хантов; образование системы чересполосного проживания русских и коренных жителей Сибири.

Знание этих закономерностей позволяет рассматривать некоторые территории как перспективные для ведения работ по изучению ЭАК. Это связано с необходимостью расширения географии исследований, поскольку в настоящее время относительно полно рассмотрены только ЭАК сибирских татар и русских сибиряков в Среднем Прииртышье (Большереченский, Знаменский, Муромцевский, Седельниковский, Тарский районы Омской области). Однако выбрать

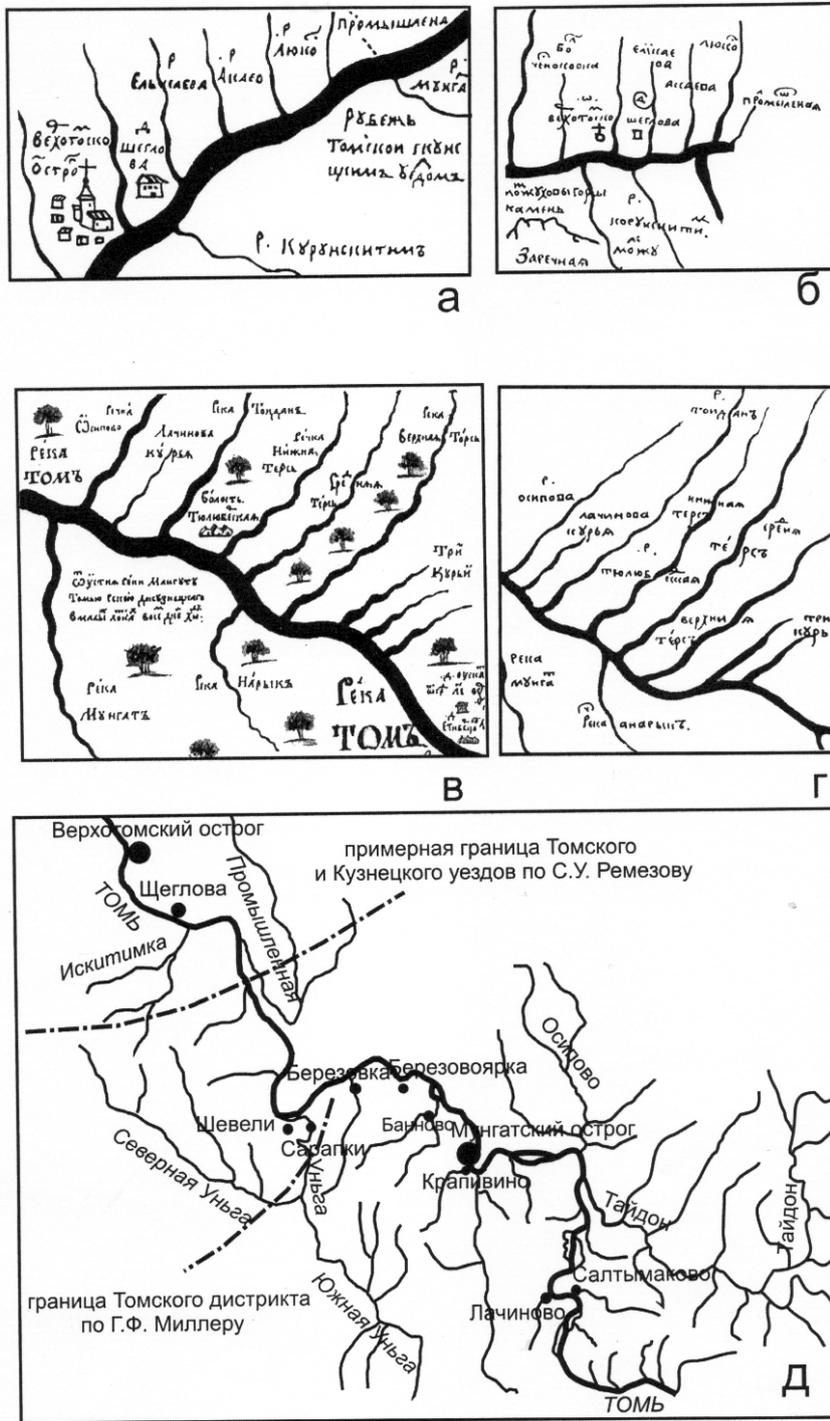

Рис. 1. Карты среднего течения Томи:

- а – «Чертежная книга...» – Верхотомский острог;
- б – Верхотомский острог в «Хорографической книге...»;
- в – «Чертежная книга...», северная часть Кузнецкого уезда;
- г – Северная часть Кузнецкого уезда в «Хорографической книге...»;
- д – Современная карта участка среднего течения Томи с деревьями, острогами и границами между уездами в начале XVIII в.

новый район, где бы имелись объекты для этнографического изучения, а также связанные с ними археологические памятники, не просто. Было бы хорошо, если бы у населения изучаемого района была большая глубина исторической памяти, а этнографические и археологические материалы дополняли бы другие источники (письменные, картографические). Таких мест в Западной Сибири немного. К их числу предварительно отнесу среднее течение и верховья р. Демьянки (правый приток Иртыша), где проживали ханты, и нижнее течение Оби в районе п. Чемаша (Октябрьский район Ханты-Мансийского автономного округа – Югры), где проживают ханты и русские.

Еще один район, потенциально перспективный для исследований, располагается в среднем течении Томи в северо-восточной части Крапивинского района Кемеровской области. Материалы о районе собраны автором в 1980–2010 гг. В разное время в исследованиях принимали участие С.Ф. Татауров, Л.В. Татаурова и П.В. Орлов из Омска, А.М. Илюшин из Кемерово. Сейчас здесь проживают русские старожилы, называющие себя челдонами, крестьяне из европейской части России, переселившиеся сюда в ходе Столыпинских реформ, крестьяне с Алтая, поселившиеся здесь во время коллективизации, строители Зеленогорской ГЭС и геологоразведчики, прибывшие в район в 1970-е гг. Есть небольшое количество потомков чувашей, которые во многом обрусели. Почти половина населения района живет в районном центре Крапивине и в поселке городского типа Зеленогорске. Остальные живут дисперсно почти в трех десятках мелких деревень на левом берегу Томи. Правобережье Томи, где когда-то было около 50 деревень, практически не заселено. Пока еще существуют деревня Салтымаково на Томи в районе устья Тайдона, д. Медвежка в его верховьях. Деревни Змеинка, Грязная Порывайка больше похожи на дачные поселки. Д. Фомиха вошла в состав Крапивинского сельского поселения, но постоянных жителей там только двое.

В конце XVII – начале XVIII в., когда С.У. Ремезов составлял карты, эта территория была не заселена, о чем свидетельствуют следующие листы книг: А1 (к сожалению, нет возможности поставить, как положено, титло над написанием цифр) – «Чертеж земли Томскаго города» [3]; МД (по другому счету – 130) – «река Томь...» [2], на которых показаны земли, относящиеся к Верхотомскому острогу Томского уезда (об этом

же писал и Г.-Ф. Миллер [14. С. 93–95]); В1 – «Чертеж земли Кузнецкаго города» [3] и МД (по другому счету – 131) – «вершина Томи...» [2] на которых показаны земли Мунгатского острога Кузнецкого уезда, которые Г.-Ф. Миллер называл мунгатским дистриктом [13. С. 33].

Судя по листу в «Чертежной книге...» (рис. 1, а), в конце XVII в. Верхотомский острог был самым южным укрепленным пунктом русских Томского уезда, а близ него находилась д. Щеглова. Сейчас это место находится в черте г. Кемерово на правом берегу Томи. Почти напротив этой деревни, немного выше по течению, Томь принимает с левой стороны приток Куруискитим (в другой огласовке – Коруискитим), ныне это р. Искитимка, протекающая через центр левобережной части г. Кемерово. На этой карте между р. Куруискитимом и р. Мунгат (правый приток Томи примерно в 80 км южнее р. Искитимки) помещена надпись «Рубеж Томской с Кузнецким уездом». Таким образом, земли к югу от Искитимки до Мунгата были порубежными и незаселенными. Может быть, в это время реальная граница проходила немного южнее д. Щегловой и р. Искитимки в районе устья р. Промышленная (правый приток Томи), поскольку южнее ее С.У. Ремезов Томский уезд не показывал. Карта «Хорографической книги ...» отражает ту же ситуацию (рис. 1, б). Во время поездки Г.-Ф. Миллера в 1734 г. рубеж между Верхотомским и Мунгатским дистриктами мог проходить по р. Уньга, так как в ее устье были деревни Уньга или Чевелева (современные Шевели) и Зарубкина (современные Сарапки), относимые Г.-Ф. Миллером к ведомству Верхотомского острога [14. С. 95].

Рассмотрим территорию Кузнецкого города. В «Чертежной книге...» от устья Мунгата вверх по Томи до р. Верхняя Терсь есть только один населенный пункт, расположенный между р. Нижняя Терсь и Тайдон, названный «волость Тюлюберская» (рис. 1, в). С.П. Крашенинников назвал этот населенный пункт «юрты Сустанаковы» [15. С. 50]. Сейчас это разъезжающаяся д. Салтымакова. На листе «Хорографической книги...» (рис. 1, г) ситуация точно такая же. Только показан не населенный пункт тюлюберов, а имеется надпись «р. тюлюберская». Ради точности отметим, что Лачинова курья, помещенная С.У. Ремезовым между р. Тайдон и Осипово на правом берегу Томи, на самом деле находится выше устья Тайдона на левом берегу Томи.

Таким образом, из карт ясно видно, что на территории между р. Верхняя Терсь и р. Иски-

тимка в конце XVII – начале XVIII в. был только один населенный пункт – юрты Сустанаковы (Тюлюберская волость). Они располагались в самом благоприятном для проживания месте района. Ниже р. Нижняя Терсь Томь прорезает небольшой Ажendarовский хребет, его продолжение на левом берегу Томи – Тарадановский хребет. Ниже этих хребтов долина Томи расширяется, образуя своего рода котловину, благоприятную для скотоводства, с отличными пастбищами и сенокосами. В правобережной части котловины и находились Сустанаковские юрты. На эту практически свободную порубежную землю переселяются русские крестьяне, образуя деревню Лачиново, в правобережной части котловины с угодьями в Лачиновской курье, и деревню-однодворку Баеву, слившуюся с Лачиново (фамилия Баевы в районе сохранилась).

Другие группы крестьян поселились на территории ниже устья Мунгата до устья Уньги, образовав деревни Кропивина (ныне пос. Крапивинский), Банная (ныне Банново), Нижняя (по-другому – Курганы, затем Березовка, ныне не существует), Березоваярка (не существует) по левому берегу Томи (рис. 1/ д). Выбор места можно объяснить тем, что ниже устья Мунгата меняется характер рельефа: Томь выходит из гор, и на ее левом берегу земель, удобных для пашни, сенокосов и пастбищ, намного больше, чем на правом. Интересно, что возникшие в XIX – начале XX в. на правом берегу Томи (Широкая щель, Фомиха, Змеинка и другие) и по ее притокам: р. Тайдону (Андреевка, Улуманда), р. Осипово (Мало-Осипово, Бело-Осипово), деревни ориентировались больше на таежные промыслы (заготовка леса, охота), пчеловодство, изготовление жерновов и точил, разведение скота, а левобережные – на хлебопашество, пчеловодство, скотоводство, различные промыслы. Большая часть деревень на левом берегу Томи сохранилась.

Для обороны новых деревень был сооружен Мунгатский острог. Судя по отсутствию стен у острога [15. С. 51], военная опасность этому району не угрожала.

Вывод очевиден: в начале XVIII в. на свободных землях по Томи примерно на равном расстоянии от Томска и Кузнецка появился русский комплекс: острог, деревни, острожное и деревенские кладбища, часовня в остроге, а в XIX в. и церкви. Сформировалась сеть заимок, некоторые из них выросли в деревни. В одном населенном пункте русские постепенно ассимилировали тюлюберов. Итак, на относительно

ограниченной территории имеются археологизированные комплексы начала XVIII в., этнографические объекты XIX–XX вв., сохраняется старожильческое население, есть письменные и картографические источники. Интересен район тем, что можно четко определить нижнюю дату комплексов, рассмотреть процесс заселения и освоения территории и последующий уход из него населения. Комплекс должен быть чистым, без инородных включений, так как даже в XIX в. этот район был на удалении от прямой дороги Кузнецк – Томск.

Кроме поиска места расположения Мунгатского острога археологом Ю.В. Шириным и этнографом В.М. Кимеевым, археологических работ по изучению русских памятников здесь не проводилось. Раскопки можно проводить на площадях д. Лачиново, Березовка, Березоваярка (русские) и в Салтымаково (тюльберы и русские). Кроме того, кемеровские археологи, работавшие в зоне затопления Зеленогорской ГЭС, выявили и исследовали памятники в районе Лачиново и Лачиновской курьи, Салтымаково [16. С. 65–70].

Таким образом, район, выбор которого начался с изучения карт С.У. Ремезова, перспективен для ведения этнографо-археологических работ.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Служебная* чертежная книга Т. 1. Факсимильное издание рукописи Российской национальной библиотеки. [б.м.] [б.и.], 2006. 334 с.
2. *Хорографическая* чертежная книга Сибири С.У. Ремезова. Т. 1. Факсимильное издание Houghton library of the Harvard college Harvard university. Тобольск: [б.и.], 2011. 350 с.
3. *Чертежная* книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году. Т. 1. Факсимильное издание. М.: [б.и.], 2003. 201 с.
4. *Белич И.В.* Чертеж «Кучюмово городище» С.У. Ремезова из «Хорографической чертежной книги» // Вестн. ТюмГУ. Сер. ист. наук. 2009. С. 90–101.
5. *Белич И.В.* Чертеж «Кучюмово Городище и Старая Сибирь» из «Хорографической чертежной книги» С.У. Ремезова. К 300-летию составления первого русского географического атласа Сибири // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2010. № 1 (12) С. 141–155. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.ipdn.ru/trics/va>, свободный.
6. *Катионов О.Н.* Обь-Иртышское междуречье на картах Сибири // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. Новосибирск: Наука, 2002. Т. 5. С. 82–85.
7. *Матвеев А.В., Аношко О.М.* Ермакова перекоп на старинных картах и в материалах полевого историко-археологического обследования // Вестник Омского университета. 2012. № 2. С. 275–281.
8. *Матвеев А.В., Яворская Л.Я.* Территория современной Омской области на листах «Хорографической чертежной книги Сибири С.У. Ремезова 1697–1711 // Известия ОГИКМ. Омск, 2003. С. 147–162.
9. *Матвеев А.В., Яворская Л.Я.* Павлодарская область на листах «Хорографической чертежной книги Сибири С.У. Ре-

мезова 1697–1711. Олкетану – Краеведение. Спец. вып. Этно-археология: актуальные проблемы и перспективы развития. Павлодар. 2004. Вып. 3. С. 139–143.

10. Тихонов С.С. Выявление и этнографо-археологическое изучение контактных зон аборигенов Сибири // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Изд-во ИПОС СО РАН, 2012а. № 2 (17). С. 87–91. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.ipdn.ru/tics/va>, свободный.

11. Тихонов С.С. Карты XVII – начала XVIII века как источник для этнографо-археологического изучения кочевников Центральной Азии // Монгол болон Байгал нуур орчмын сибирийн эртний соёл. 2-р дэвтэр. Улаанбаатар: МУИС Хэвлэх уйлдвэр, 2012. С. 638–642.

12. Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в

1875 году // Записки Императорского русского географического общества по отделению этнографии. Т. X, вып. 1. СПб., 1882. С. 1–80.

13. Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г.Ф. Миллера // История Сибири. Первоисточники. Новосибирск, 1996. Вып. VI. 312 с.

14. Элерт А.Х. Историко-географическое описание Томского уезда Г.Ф. Миллера // Источники по истории Сибири досоветского периода. Новосибирск: Наука, 1988. С. 59–109.

15. Крашенинников С.П. Описание Сибири. Неопубликованные материалы. М.; Л., 1966.

16. Кулемзин А.М., Бородкин Ю.М. Археологические памятники Кемеровской области. Кемерово, 1989. 160 с.